

УДК 811.111-26
doi 10.17072/2073-6681-2022-4-106-114

Графический способ стилизации детской речи и моделирования детского мировосприятия в художественных произведениях (на примере романов “Room” Э. Донохью и “All the Lost Things” М. Сакс)

Наталья Николаевна Николина

старший преподаватель кафедры германской филологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. nickolyasya@yandex.ru

SPIN-код: 5003-9377

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-6829>

ResearcherID: AAS-6884-2021

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Одобрена после рецензирования 25.09.2022

Принята к публикации 05.10.2022

Информация для цитирования

Николина Н. Н. Графический способ стилизации детской речи и моделирования детского мировосприятия в художественных произведениях (на примере романов “Room” Э. Донохью и “All the Lost Things” М. Сакс) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 106–114. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-106-114

Аннотация. В статье рассматриваются графические приемы, используемые в речи рассказчика-ребенка в художественных произведениях, предназначенных для взрослой аудитории. Имитация повествования от лица детей в таких произведениях является сложной задачей для автора, поскольку речь детского персонажа не может полностью соответствовать речи реального ребенка. Поэтому детский нарратив в литературе для взрослых обладает высокой степенью искусственности и осознается читателем как прием. Анализ научных работ, посвященных речи персонажей-детей, показывает, что их речь стилизуется под детскую. Стилизация подразумевает, что авторы используют определенный набор языковых элементов, которые соотносятся с реальными характеристиками детской речи, но в то же время могут быть художественно усилены. Авторы могут стилизовать детскую речь на разных языковых уровнях.

Графический способ стилизации детской речи и воспроизведения детского мировосприятия выделяется редко и некоторыми исследователями называется нетрадиционным. Отмечается его использование для выражения интонации, обозначения новых слов и реалий, выделения чужого слова и др.

В статье анализируются современные произведения на английском языке, где рассказчиками являются дети 5 и 7 лет: “Room” (Emma Donoghue, 2010) и “All the Lost Things” (Michelle Sacks, 2019). В представленных романах графический способ стилизации детской речи и мышления используется в качестве как самостоятельного, так и дополнительного. Самостоятельно графический способ применяется для выделения новых, непонятных, сложных для героев слов и фраз, слов на другом языке, а также чужого слова в их речи. В качестве дополнительного графический способ используется для усиления других приемов и языковых единиц, имитирующих детскую речь: олицетворений, звукоподражательных междометий, преувеличений.

Ключевые слова: рассказчик-ребенок; детская речь; стилизация; графика; олицетворение; звукоподражательные междометия; гипербола.

В литературе не редки случаи использования главных героев-детей или рассказчиков-детей в произведениях, рассчитанных на взрослую аудиторию. Такой прием не является новым, достаточно вспомнить «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена. Образ наивного главного героя в сочетании с критическим, но юмористическим взглядом на мир стал «настоящим событием для генезиса детского образа в истории мировой литературы» [Ненилин 2006: 7]. Сегодня все чаще можно встретить произведения, написанные для взрослых, где повествователь или рассказчик значительно младше читателя: это может быть ребенок дошкольного, младшего школьного, а также подросткового возраста. Сандра Динтер, рассуждая о современной британской литературе для взрослых, упоминает такие произведения, как «Песни мертвых детей» Тоби Лита (2001), «Случайно» (2005) и «Кроме» (2011) Али Смит, «Флоренс и Джайлс» Джона Хардинга (2010), «Пиджин-Инглиш» Стивена Келмана (2011) и «Девочка в красном пальто» Кейт Хэмер (2015) [Dinter 2018]. Можно также отметить британские, американские и ирландские романы, в которых рассказчиками являются дети или подростки: «Милые кости» Элис Сиболд (2002), «Загадочное ночное убийство собаки» Марка Хэддона (2003), «Жутко громко и запредельно близко» Джонатана Сафрана Фоера (2005), «Комната» Эммы Донохью (2010), «Щегол» Донны Тартт (2013). Список подобных произведений, безусловно, не ограничивается представленными в данной статье романами. Можно отметить некую тенденцию увеличения числа персонажей- или рассказчиков-детей в современной литературе. Как следствие, выявление и изучение особенностей детского нарратива, а также речи персонажей-детей составляет особый интерес исследователей. При этом стоит отметить, что в истории литературы рассказчик-ребенок является «недавним феноменом» [Dinter 2018: 50] и только начинает становиться объектом научного интереса – с точки зрения как лингвистики, так и литературоведения. Последнее обуславливает актуальность данного исследования.

Отмечается, что создание речи рассказчика-ребенка, моделирование детского мировосприятия, как и выстраивание повествования в целом, является непростой задачей для авторов: создание рассказчика-ребенка понимается как «исключительно трудная затея, при которой автор должен использовать определенные стратегии, чтобы представить себя как заслуживающего доверия рассказчика» [ibid.: 53].

Проблематичность выстраивания повествования от лица детей в литературе объясняется не-

способностью реальных детей вести повествование: «маленькие дети не способны вести развернутое повествование ни в устной, ни в письменной форме; даже короткие сообщения о происшествиях, сообщаемые детьми, как правило, звучат сбивчиво» [Björling 1983: 7]. Кроме того, «способность организовывать повествовательный материал иерархически, по-видимому, требует такого уровня развития, которого маленькие дети еще не достигли» [ibid.]. Тем не менее повествование в художественном произведении, как правило, предполагает последовательность и организованность. В таком случае авторы могут пренебречь достоверностью в пользу понятности и относительной ясности повествования, создавая таких рассказчиков, которые больше напоминают взрослых, учитывая то, что они могут рассказать логично выстроенную историю. Следовательно, «художественное произведение, рассказанное голосом ребенка, с самого начала воспринимается как прием, читатель знает, что рассказчик не может быть настоящим ребенком» [ibid.]. «Относительное неумение детей ясно выражаться делает любое представление их сознания неизбежно условным и принципиально искусственным построением взрослых писателей» [Dinter 2018: 53].

В ряде работ, посвященных детской речи, а также речи персонажей-детей, способам имитации детского мировосприятия в литературе [Амзаракова 2005, Солнцева 2008, Войткова 2011, Шипова 2011, Николина 2016], отмечается искусственность речи персонажа-ребенка, ее стилизация под детскую.

Н. К. Войткова утверждает: «если же в роли адресата выступает взрослый читатель, уподобление детской речи происходит за счет стилизации повествования» [Войткова 2011: 10]. Г. А. Шипова, анализируя языковые приемы для создания эффекта детского мировосприятия, используемые в современной художественной автобиографии, выявляет корреляцию между ними и действительными особенностями детской речи. Тем не менее это не полное соответствие реальной детской речи: «авторы не копируют ее, а используют стилизацию, о чем свидетельствует включение элементов с яркой разговорной окраской. При этом используется ограниченный репертуар средств, создающих иллюзию естественности и спонтанности речевого поведения персонажа-ребенка» [Шипова 2011: 13]. Похожую мысль находим у К. В. Солнцевой: «представленная в художественных произведениях детская речь отличается от естественной детской речи тем, что представляет ее не полностью, а только лишь некоторыми отдельными элементами, иными словами, она стилизуется, что создает

впечатление ее реальности, достоверности» [Солнцева 2008: 1]. Н. А. Николина, анализируя детскую речь так же в автобиографической прозе, отмечает, что «в большинстве случаев, за исключением отдельных словообразовательных инноваций и окказиональных грамматических форм, сохраненных в памяти или подтвержденных записями родителей, перед нами стилизация детской речи, попытка воссоздания своих высказываний в прошлом. Обращаясь к воспоминаниям детства, автор часто моделирует процесс освоения мира словом, перевоплощается в рассказчика» [Николина 2016: 486]. В исследовании И. П. Амзараковой выражается мысль о том, что детский образ, создаваемый писателем, не является точным воспроизведением детской речи и мышления, а скорее заключает в себе представления автора о детях и детстве: «исследователь мира детства не должен безоговорочно доверять этому источнику в силу его субъективности» [Амзаракова 2005: 23].

Стилизация речи персонажа под детскую происходит на разных языковых уровнях, при этом выделяются традиционные, наиболее часто используемые способы стилизации детской речи, представленные как в детской литературе, так и в литературе для взрослой аудитории. К таковым относятся: «слоговая элизия, сокращение кластеров и звуковая субституция» [Солнцева 2008: 6] на фонетическом уровне; аффиксация, сокращение, конверсия, стяжение, редупликация [Солнцева 2013] на словообразовательном уровне; «использование олицетворения, конкретизации и деметафоризации» [Шипова 2011: 21] на лексическом уровне; использование простых и коротких предложений [Sanger 1998, Николина 2016], «эллипсис, отсутствие инверсивного словоупорядка в общих вопросах» [Солнцева 2008: 15], «сегментация, парцелляция, параллелизм» [Шипова 2011: 16], «сложносочиненные предложения с повторяющимися соединительными и противительными союзами» [там же: 8] на синтаксическом уровне. Отмечается, что при стилизации детской речи в основном в центре внимания авторов оказывается «постепенное освоение лексической семантики, метаязыковая деятельность ребенка, детское словотворчество» [Николина 2016: 487].

Использование графических приемов в работах, посвященных речи персонажей-детей, отмечается не так часто. Г. А. Шипова графический способ создания детской речи и мировосприятия называет «нетрадиционным»: с его помощью автор «выражает интонацию, новизну слова в детском словаре, выделяет ключевые слова, чужое слово в субъектно-речевом плане персонажа» [Шипова 2011: 21]. Исследователь выделяет

такие проявления графического способа, как: «написание слов в одно или через дефис; применение прописных букв или так или иначе выделенного шрифта» [там же: 21–22]. Н. А. Николина отмечает, что графически обозначаются «новые для героя предметы или реалии» [Николина 2009: 57]. Цель данного исследования – проанализировать предназначенные для взрослой аудитории произведения, где рассказчиками являются дети младшего возраста, чтобы определить, насколько часто и в каких случаях используется графический способ для стилизации детской речи и воспроизведения детского мышления. В качестве материала исследования были выбраны романы Эммы Донохью и Мишель Сакс “Room” (2010) и “All the Lost Things” (2019) соответственно, где рассказчиками являются дети дошкольного и младшего школьного возрастов соответственно. Два выбранных произведения объединяет и тяжелая, мрачная тематика. Произведение Донохью рассказывает историю пятилетнего Джека и его матери. Несколько лет они удерживаются в закрытом помещении, которое называют Комнатой, затем сбегают и адаптируются к жизни в обществе. В романе Мишель Сакс отец после убийства жены в ходе ссоры пускается в бег с семилетней дочерью Долли.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных авторов, а именно научные труды И. П. Амзараковой, Н. К. Войтковой, Н. А. Николиной, К. В. Солнцевой, И. М. Чеботаревой, Г. А. Шиповой и др., а также некоторые работы зарубежных исследователей: Ф. Бюрлинг, С. Динтер, М. Карачоло, М. Рубик, К. Сэнгер. В ходе исследования был произведен лингвистический анализ, сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки.

Анализ выбранных произведений показал, что в указанных романах графический способ создания детской речи и мировосприятия используется неодинаково, преимущественно наряду с другими лексическими и грамматическими способами, редко является основным или самостоятельным и чаще носит дополняющий, сопроводительный, усиливающий характер.

В романе “Room” автор стилизует речь рассказчика – пятилетнего Джека – под детскую на нескольких уровнях: морфологическом, лексическом, синтаксическом. Так, в речи Джека довольно много различного рода грамматических ошибок, связанных с неверным образованием форм, неправильным порядком слов или опущением необходимых членов предложения; нередко используется конверсия, а также встречается неверное употребление некоторых слов (здесь и далее полужирным выделено нами. – Н. Н.):

“You **cutted** the cord and I was free...” (Donoghue, 4).

“I go even **fasterer** like Superman flying” (ibid., 19).

“We take down all the **furnitures** from Bed...” (ibid.).

“**Why you didn't** tell him before ...” (ibid., 47).

“**How you did** a picture asleep?” (ibid., 5).

“She gets out of Bed and goes to Thermostat to **hot** the air” (ibid., 4).

“You were all sad till I **happened** in your tummy” (ibid., 3).

“To **sick** me like when I was three with throw-up and diarrhea?” (ibid., 4).

Детское мышление и мировосприятие выражается в непонимании героем переносных значений, фразеологизмов, незнании чего-либо и вопросах о новых словах или вещах:

“At five, they're still **plastic**.” But I'm **not plastic**, I'm a **real boy**” (Donoghue, 260–261).

“Anything **ringing a bell**?” I **don't hear any bells**” (ibid., 187).

“I **didn't know** Baby Jesus grows up” (ibid., 35).

“What's **equinox**?” (ibid., 30).

На лексическом уровне отличительной чертой речевого портрета Джека являются олицетворения. В основном олицетворению подвергаются предметы быта (мебель, техника, комнатные растения), которые окружают Джека в Комнате и с которыми он регулярно взаимодействует (в ходе игр или выполнения повседневных действий). Они воспринимаются главным героем как живые существа, об этом свидетельствует использование личных и притяжательных местоимений *he/his* и *she/her* вместо грамматически верного *it/its*, отсутствие артиклей (как в случае с именами собственными), а также использование с такими словами глаголов, обозначающих действия людей:

“I look down at **Rug** with **her** red and brown...” (Donoghue, 4).

“...to look at **Watch**, **he** says 07:14” (ibid., 5).

“I choose **Meltedy Spoon** <...> when **he** **leaned** on the pan...” (ibid., 7).

“...like give **Plant** a cup of water in **Sink** for no spilling, then put **her** back on **her** saucer on **Dresser**...” (ibid., 10).

“**Plant** used to **live** on **Table**...” (ibid.).

“...**TV** **died**...” (ibid., 12).

“**Bouncy Ball** loves to get lost in **Labyrinth**...” (ibid., 17).

Отмечается, что олицетворения действительно часто встречаются в речи детей младшего возраста [Чеботарева 1996]. Это может объясняться, во-первых, тем, что «ребенок измеряет все формы бытия в масштабе собственного опыта и знания и по своему образу и подобию» [там

же 7], а во-вторых, тем, что ребенок еще не освоил разделение мира на живое и неживое [Костылев 1987: 74]. Исходя из этого, можно предположить, что использование олицетворения в речи рассказчика-ребенка помогает автору создать более правдоподобный детский речевой образ.

Однако необходимо отметить, что наличие олицетворений в речи Джека объясняется не только тем, что они являются маркерами детской речи, но и особенностями его картины мира. Мировосприятие Джека отличается от того, как видят мир остальные дети, из-за того, что он всю свою жизнь провел в замкнутом помещении. Его мир ограничен пространством Комнаты и вещами, которые в ней находятся, а они, как правило, представлены в единичном экземпляре. Отсюда его восприятие этих вещей не только как одушевленных, но и уникальных: «он не подозревает, что множество объектов одного вида существуют в мире» [Rubik 2017: 221]. Уникальность и одушевленность предметов в сознании Джека усиливается написанием обозначающих их слов с заглавной буквы. Подобное написание говорит о том, что «Джек не видит разницы между обычными нарицательными именами, такими как “стол”, и именами собственными, поскольку он воспринимает их как относящиеся к уникальному знаку, а не к типу или категории объектов» [Caracciolo 2014: 186].

Эмма Донохью также использует звукоподражательные междометия для имитации детской речи, что оправдано, так как ее особенностью является «повышенная звукоподражательность и звукоизобразительность» [Белоглазова 2010: 30]. Активное же использование детьми междометий «связано с психофизиологическими и коммуникативно-прагматическими факторами: с чуткостью ребенка к звуковой форме, с его эмоциональностью и импульсивностью, со стремлением к речевому доминированию (заполнению коммуникативных пустот)» [Амзаракова 2005: 17]. «Особенностью функционирования междометия в детской речи следует считать его использование в номинативной функции» [там же: 18].

В речи Джека представлены как устоявшиеся, так и неологические звукоподражательные междометия. Они имитируют звуки окружающих ребенка предметов, передают динамику, движение, сопровождают деятельность Джека (в том числе игровую) и его фантазии:

“After I flush I watch the tank filling up going **bubble gurgle wurble**” (Donoghue, 14).

“Also another time there was a thing in the night **nnnnng nnnng nnnng** biting me...” (ibid., 10).

“...she says, holding up the little bag and shaking it **shickety shick**...” (ibid., 27).

“Ma leans out of Bed to switch on Lamp, he makes everything light up *whoosh*” (Donoghue, 3).

“I go nearer and *whew* it’s gone under Stove so I hardly saw it...” (ibid., 38).

“I’m a bit jiggly so Ma says let’s play Orchestra, where we run around seeing what noises we can bang out of things. I drum on Table and Ma goes *knock knock* on the legs of Bed, then *floomf floomf* on the pillows, I use a fork and spoon on Door *ding ding* and our toes go *bam* on Stove, but my favorite is stomping on the pedal of Trash because that pops his lid open with a *bing*” (ibid., 20).

“...when I wiggle one of the switches with my thumb the jeep’s wheels spin *zhhhhung*” (ibid., 54).

“*Zoom zoom* through the jungle” (ibid., 51).

“I’ll burst through Skylight into Outer Space and go *boing boing* between each the planets...” (ibid., 16).

“In a minute the police are going to come *weee-ahhh weee-ahhh weee-ahhh* and lock those bad guys up in jai” (ibid., 42).

Иногда междометия используются в номинативной функции. Ниже представлены примеры, в которых междометия выступают в роли существительных или глаголов:

“I can skateboard on Rocker without holding on to her, then I *whew* back onto Duvet and I’m snowboarding instead” (Donoghue, 5).

“I move my chair to Sink to wash up, with bowls I have to do gently but spoons I can *cling clang clong*” (ibid., 8).

“...Jeep *vrums* his wheels as loud as he can” (ibid., 55).

“An awful *waah waah* starts, I cover my ears” (ibid., 317).

В романе звукоподражательные междометия выделяются курсивом, что помогает показать их отличие от остальных слов, передает, возможно, их более яркое восприятие Джеком и подчеркивает неологический, творческий характер.

Курсивом также выделяются испанские слова и фразы в речи Джека и его матери. Их наличие объясняется влиянием его любимой телевизионной программы *Dora the Explorer*, в которой героиня иногда говорит на испанском языке. Использование курсива позволяет подчеркнуть необычность, инаковость этих слов в восприятии Джека, их отличие от слов «реального» (английского) языка:

“Dora says bits that aren’t in real language, they’re Spanish, like *lo hicimos*” (Donoghue, 12).

“It means it’s OK. *No hay problema.*” (ibid., 16).

“Mary’s there too, she’s cuddled in her Ma’s lap that’s Baby Jesus’s Grandma, like Dora’s *abuela*” (ibid., 22).

“I bet it’s going to be *delicioso* with candles the same number as me and on fire like I’ve never seen for real” (ibid., 26).

Новые, сложные и непонятные для Джека слова и фразы, которые он слышит в речи взрослых, и надписи также выделены курсивом:

“...Ma finds hard words to test me from the milk carton like *nutritional* that means food, and *pasteurized* that means laser guns zapped away the germs” (Donoghue, 41).

“What’s *in general*?” (ibid., 81).

“What’s *bonsai*?” (ibid., 270).

“...Dr. Clay wanted me to stay for *continuity* and *therapeutic isolation*...” (ibid., 315).

“There’s a little hatch that says *INCINERATOR*...” (ibid., 377).

Что касается романа Мишель Сакс “All the Lost Things”, то в нем рассказчицей является Долли, девочка 7 лет. В ее речи нет такого обилия маркеров детской речи, как в романе Донохью, однако присутствует метаязыковая рефлексия – размышления о значении слов и выражений:

“...it was **MARVELOUS** which is like excellent but way better” (Sacks, 30).

“...we **collapsed into STITCHES**, which is when you laugh so hard you burst open and need to be sewn back together again” (ibid., 31).

“She calls this one **BENEATH HIM** and **HUMILIATING**, whatever that means” (ibid., 67).

“...they were **GREEN WITH ENVY** which is what happens when you are so jealous it makes you want to throw up” (ibid., 125).

Отличительной чертой речи этого персонажа являются преувеличения:

“Anyway, I was **THRILLED IN PIECES**...” (Sacks, 12).

“Of course, I promised that I would never tell **A LIVING SOUL** and I will keep that promise until my most **DYING BREATH** because that is what true friends should do” (ibid., 27).

Безусловно, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что гиперболы в речи Долли являются именно маркерами детской речи, а не только особенностями мышления и речи эмоциональной девочки. Однако мы можем предположить, что использование гипербол не только показывает нам живой и яркий характер Долли, но и придает речи главной героини правдоподобия, так как коррелирует с реальными особенностями развития речи и мышления детей. Уже в возрасте 3–4 лет они «снабжают предметы и объекты гиперболизированными оценками» [Амзаракова 2019: 126]. С переходом в школу «в речи ребенка младшего школьного возраста все чаще появляются экспрессивные средства – гиперболические сравнения и метафоры для выражения

своего отношения к человеку и действию» [Амзаракова 2019: 130].

В представленном романе преувеличения выражаются разными способами. Часто это прилагательные в превосходной степени в сочетании с порядковыми числительными и фразой “in the world”:

“Some of the **WORST WORDS in the world** are *divorce, Los Angeles, and depressed...*” (Sacks, 18).

“Being lost is the **SECOND WORST THING in the world...**” (ibid., 23).

Гиперболы также могут быть выражены числительными “hundred(s)”, “thousand(s)”, “million(s)”, иногда в сочетании со словом “ever” и фразой “in one’s life”. Так, подобные преувеличения, выражая большое количество чего-либо, зачастую передают восторг или удивление героини:

“They have **HUNDREDS** of them and all of the cars are nice and new-looking...” (Sacks, 18).

“There were **MILLIONS** of trees everywhere, maybe more than I ever saw before **in my life** all at once” (ibid., 37).

Гиперболы с указанными числительными также передают другие эмоции героини. Это может быть:

а) радость, радостное волнение

“I was **ONE HUNDRED PERCENT excited...**” (Sacks, 11).

“Inside my stomach, I had **ONE THOUSAND butterflies**” (ibid., 14).

б) грусть

“I wish he could spend **hundreds of hours** playing games with me...” (ibid., 30).

“Actually it felt like a **thousand years**. A **thousand bad years** of tears and plagues and very bad things” (ibid., 257).

в) скука

“What time is it now?” I asked Dad. It felt like **hundreds of hours** had passed” (ibid., 82).

Числительные встречаются в преувеличениях, которые выражают самоуверенность Долли, ее преумножение своих знаний и опыта, а также могут быть элементами игры, отражая фантазию девочки и ее склонность к выдумыванию:

“...I knew that was the way you go to get to Manhattan because I have been **HUNDREDS** of times with Mom” (Sacks, 24).

“We used the glass cups from the bathroom and pretended that I was a grownup lady with creamy-colored skin who worked in an ice-cream parlor that was inside a hotel. There were **ONE THOUSAND** flavors to choose from and also **hundreds** of toppings like sprinkles and caramel chunks and M&Ms...” (ibid., 44).

Гиперболы также выражаются словами “forever” и “never”:

“...and it was a double treat because Dad was all for me and that **ALMOST NEVER PROBABLY EVER** happens” (Sacks, 19).

“...if he spilled that very strong glue that can stick your fingers together **FOREVER...**” (ibid., 50).

Гиперболы в речи Долли позволяют передать силу и яркость ее детского мировосприятия, делая ее речь более эмоциональной и живой. Зачастую (но не всегда) преувеличения в речи Долли выделяются прописными буквами. Как и в случае с олицетворениями и междометиями в романе Донохью, графический прием здесь применяется в качестве дополнительного. И, похожим образом, в качестве основного графический прием используется для обозначения новых для Долли слов, а также слов, принадлежащих миру взрослых и не всегда используемых ребенком самостоятельно:

“...but 366 days when it’s a **LEAP YEAR** that jumps ahead but only every four years on the 29th of February” (Sacks, 11).

“We are fluent in **TELEPATHY** which means we can speak to each other with only our minds...” (ibid., 15).

“It melted a little from being in my bag, but she didn’t mind and she said it was **SCRUMPTIOUS...**” (ibid., 17).

“Because of being advanced, I can spell very tough words like **PALEONTOLOGY** and **PHOSPHATES**” (ibid.).

“...he wears a gray suit every day along with a badge that says his name and the word **SALES EXECUTIVE** beneath it” (ibid., 18).

“...until I found the perfect amount of **VENTILATION** which is air and another word I can spell if I concentrate hard” (ibid., 20).

Выделение таких слов прописными буквами, а иногда и курсивом, подчеркивает не только их новизну, но и значимость для Долли: она гордится тем, что знает такие серьезные, «взрослые» слова и умеет их правильно написать (для обозначения этого и используется курсив).

Прописными буквами также выделяется чужое слово в речи Долли:

“I have an **ADVANCED BRAIN**. That’s what Miss Ellis says and she’s my teacher...” (Sacks, 17).

“Dad is up for a promotion soon and that means he will get an even more important badge, **FINGERS CROSSED**. He will also get more money and that’s good news because **MONEY IS TIGHT** and the house is **MORTGAGED TO THE HILT** and that means **BILLS BILLS BILLS**” (ibid., 18).

Подводя итог, можно отметить следующее. Создание произведений для взрослой аудитории, где повествование ведется от лица ребенка, является сложной задачей для авторов, что связано с

неумением реальных детей выстраивать связанное и логичное повествование. Поэтому использование персонажей-детей в таких случаях зачастую осознается как прием. Речь таких персонажей обладает высокой степенью искусственности, так как она стилизуется под детскую: авторы не переносят абсолютно все особенности детской речи в художественный текст, а выбирают только некоторые из них, которые могут быть при этом художественно усилены. Стилизация может осуществляться на фонетическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом и метаязыковом уровнях.

Графический способ стилизации речи под детскую, а также моделирования детского мировосприятия встречается не так часто и относится к нетрадиционным. Его использование в проанализированных произведениях неравномерно. В романе "Room" используются курсив и написание с заглавной буквы. Как самостоятельный графический способ применяется для выделения новых и непонятных для героя слов и фраз из речи других, надписей, а также слов на другом языке. В качестве дополнительного графического способ используется для усиления других приемов и языковых единиц, которые используются для стилизации детской речи: олицетворений и звукоподражательных междометий. Аналогично в романе "All the Lost Things" написание слов прописными буквами усиливает гиперболы в речи рассказчицы, которые используются для стилизации ее речи под детскую. Самостоятельно графический способ применяется для выделения новых и сложных слов, а также чужого слова в речи героини.

Относительно графического способа можно также сделать вывод, общий для обоих произведений. Самостоятельно графический способ используется в большей степени для воспроизведения детского мировосприятия, в то время как в качестве дополнительного он применяется для передачи не только детского восприятия, но и особенностей речи.

Список источников

- Donoghue E.* Room. London: Picador, 2010. 401 p.
- Sacks M.* All the Lost Things. New York; Boston; London: Little, Brown and Company, 2019. 288 p.

Список литературы

- Амзаракова И. П.* Преувеличение и преуменьшение как маркеры речевого развития ребёнка: акмеологический подход // Филология и человек. 2019. № 2. С. 123–133. doi 10.14258/filichel(2019)2-11

Амзаракова И. П. Языковой мир немецкого ребенка младшего школьного возраста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 44 с.

Белоглазова Е. В. Дискурсная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингвопрагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 41 с.

Войткова Н. К. Лингвистическая специфика изображения повествователя-ребёнка в современном немецком художественном нарративе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 22 с.

Костылев А. О. Обращение в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического изучения: межвуз. сб. науч. тр. Ленинград: ЛГПИ, 1987. С. 69–76.

Ненилин А. Г. Стивен Кинг и проблема детства в англо-американской литературной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2006. 25 с.

Николина Н. А. «История ребенка для детей...» («Детские годы Багрова-внука» О. Т. Аксакова) // Русский язык в школе. 2009. № 2. С. 55–59.

Николина Н. А. Детская речь в зеркале русской автобиографической прозы // Проблемы онтолингвистики – 2016: материалы ежегод. междунар. науч. конф. Иваново: ЛИСТОС, 2016. С. 484–487.

Солнцева К. В. Словообразовательные средства английского языка как способ создания речевого портрета ребенка в англоязычной художественной прозе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 3. № 4(53). С. 77–81.

Солнцева К. В. Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.

Чеботарева И. М. Олицетворение в детской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1996. 16 с.

Шупова Г. А. Языковые средства создания эффекта детского мировосприятия в современной художественной автобиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.

Björling F. Child narrator and adult author: The narrative dichotomy in karej poláček's bylo nás pět // Scando-Slavica. 1983. Vol. 29, issue 1. P. 5–19.

Caracciolo M. Two Child Narrators: Defamiliarization, Empathy, and Reader-Response in Mark Haddon's The Curious Incident and Emma Donoghue's Room // Semiotica. 2014. Vol. 202. P. 183–205.

Dinter S. The Child Narrator in Contemporary British Fiction and Literary Criticism. The Case of Stephen Kelman's Pigeon English // Transdisciplinary Perspectives on Childhood in Contemporary

Britain Literature, Media and Society / ed. by S. Dinter and R. Schneider. New York: Routledge, 2018. P. 50–66.

Rubik M. Out of the Dungeon, into the World: Aspects of the Prison Novel in Emma Donoghue's Room. *How to Do Things with Narrative: Cognitive and Diachronic Perspectives* / ed. by Jan Alber and Greta Olson. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017. P. 219–240.

Sanger K. The language of fiction. London: Routledge, 1998. 113 p.

References

Amzarakova I. P. Preuvelichenie i preumen'shenie kak markery rechevogo razvitiya rebenka: akmeologicheskii podkhod [Hyperbole and diminution as markers of the child's speech development: Acmeological approach]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Human], 2019, issue 2, pp. 123–133. doi 10.14258/filichel(2019)2-11. (In Russ.)

Amzarakova I. P. *Yazykovoy mir nemetskogo rebenka mladshogo shkol'nogo vozrasta*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [The language world of a German child of primary school age. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 44 p. (In Russ.)

Beloglazova E. V. *Diskursnaya geterogennost' literatury dlya detey: kognitivnyy i lingvo-pragmaticheskiy aspekty*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [Discourse heterogeneity of literature for children: Cognitive and linguopragmatic aspects. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2010. 41 p. (In Russ.)

Voytkova N. K. *Lingvisticheskaya spetsifika izobrazheniya povestvovatelya-rebenka v sovremennom nemetskom khudozhestvennom narrative*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Linguistic features of depicting a child-narrator in modern German literary narrative. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2011. 22 p. (In Russ.)

Kostylev A. O. Obrashchenie v detskoy rechi [Addressing in children's speech]. *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo izucheniya: mezhvuz. sb. nauchn. tr.* [Children's Speech as a Subject of Linguistic Study: Inter-University Collection of Scientific Works], Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute Press, 1987, pp. 69–76. (In Russ.)

Nenilin A. G. *Stiven King i problema detstva v anglo-amerikanskoy literaturnoy traditsii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Stephen King and the problem of childhood in the English-American literary tradition. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2006. 25 p. (In Russ.)

Nikolina N. A. 'Istoriya rebenka dlya detey...' ('Detskie gody Bagrova-vnuka' O. T. Aksakova) ['The story of a child for children...' ('The Childhood Years of Bagrov-Grandson' by O. T. Aksakov)]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], 2009, issue 2, pp. 55–59. (In Russ.)

Nikolina N. A. Detskaya rech' v zerkale russkoy avtobiograficheskoy prozy [Children's speech in the mirror of Russian autobiographical prose]. *Problemy ontolingvistiki – 2016: materialy ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Problems of Ontolinguistics – 2016: Proceedings of the Annual International Scientific Conference]. Ivanovo, LISTOS Publ., 2016, pp. 484–487. (In Russ.)

Solntseva K. V. Slovoobrazovatel'nye sredstva angliyskogo yazyka kak sposob sozdaniya rechevogo portreta rebenka v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze [Word-forming means of the English language as the way of creating a speech portrait of a child In English-language fiction]. *Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2013, vol. 4, issue 4, pp. 77–81. (In Russ.)

Solntseva K. V. *Yazykovye markery rechevoy kharakteristiki detskogo personazha v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Language markers of the speech features of a child character in English-language fiction. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 17 p. (In Russ.)

Chebotareva I. M. *Olitsetvorenje v detskoy rechi*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Personification in child speech. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Belgorod, 1996. 16 p. (In Russ.)

Shipova G. A. *Yazykovye sredstva sozdaniya efekta detskogo mirovospriyatiya v sovremennoy khudozhestvennoy avtobiografii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Linguistic means of creating the effect of children's perception of the world in modern fictional autobiography. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 25 p. (In Russ.)

Björling F. Child narrator and adult author: The narrative dichotomy in karei poláček's bylo nás pět. *Scando-Slavica*, 1983, vol. 29, issue 1, pp. 5–19. (In Eng.)

Caracciolo M. Two child narrators: Defamiliarization, empathy, and reader-response in Mark Haddon's The Curious Incident and Emma Donoghue's Room. *Semiotica*, 2014, vol. 202, pp. 183–205. (In Eng.)

Dinter S. The child narrator in contemporary British fiction and literary criticism. The case of Stephen Kelman's Pigeon English. *Transdisciplinary Perspectives on Childhood in Contemporary Britain Literature, Media and Society*. Ed. by S. Dinter and R. Schneider. New York, Routledge, 2018, pp. 50–66. (In Eng.)

Rubik M. Out of the dungeon, into the world: Aspects of the prison novel in Emma Donoghue's Room. *How to Do Things with Narrative: Cognitive and Diachronic Perspectives*. Ed. by Jan Alber and Greta Olson. Berlin, Boston, De Gruyter, 2017, pp. 219–240. (In Eng.)

Sanger K. *The Language of Fiction*. London, Routledge, 1998. 113 p. (In Eng.)

Graphic Method of Stylization of Children's Speech and Modeling a Child's Perception of the World in Literary Fiction (a case study of the novels 'Room' by E. Donoghue and 'All the Lost Things' by M. Sacks)

Natalia N. Nikolina

Assistant in the Department of Germanic Philology

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. nickolyasya@yandex.ru

SPIN-code: 5003-9377

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-6829>

ResearcherID: AAS-6884-2021

Submitted 26 Jul 2022

Revised 25 Sep 2022

Accepted 05 Oct 2022

For citation

Nikolina N. N. Graficheskiy sposob stilizatsii detskoy rechi i modelirovaniya detskogo mirovospriyatiya v khudozhestvennykh proizvedeniyakh (na primere romanov «Room» E. Donokh'yu i «All the Lost Things» M. Saks) [Graphic Method of Stylization of Children's Speech and Modeling a Child's Perception of the World in Literary Fiction (a case study of the novels 'Room' by E. Donoghue and 'All the Lost Things' by M. Sacks)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 106–114. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-106-114 (In Russ.)

Abstract. The article discusses graphic techniques used in the speech of a child narrator in works of fiction intended for an adult audience. Imitation of a child narration in such works is a challenge for the author since the speech of a child character cannot fully correspond to the speech of a real child. Therefore, the child narrative in adult literature appears to be highly artificial and is perceived by the reader as a device. The analysis of scientific papers devoted to the speech of child characters shows that their speech is stylized as a child's. Stylization implies that authors use a certain set of linguistic elements that correlate to the real characteristics of children's speech, but at the same time can be artistically enhanced. Authors can stylize children's speech at different language levels.

The graphic way of stylizing children's speech and modeling a child's worldview is rarely distinguished and is called unconventional by some researchers. It can be used for expressing the intonation, marking new words and phenomena, communicating someone else's words, etc.

The article analyzes modern works in English where the narrators are children aged 5 and 7: *Room* (by Emma Donoghue, 2010) and *All the Lost Things* (by Michelle Sacks, 2019). In the chosen novels, the graphic way of stylizing children's speech and thinking is used both as an independent and as an additional method. Independently, the graphic technique is used to mark words and phrases that are new, incomprehensible, difficult for the characters, words in another language, as well as someone else's words in their speech. As an additional method, it is used to enhance other techniques and linguistic units that imitate children's speech: personifications, onomatopoeic interjections, hyperbole.

Key words: child narrator; children's speech; stylization; graphics; personification; onomatopoeic interjections; hyperbole.